Бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши П<оповича>

Поежжаёт Добрынюшка во чисто полё,
Поежжаёт — молодой ведь жоны наказыват,
Вдвоё, втроё ле он маменьки наговарыват:
«Уж ты ой еси, Омельфа да Тимофеевна!
Как пройдёт ле тому времецьку перва шесть лет,
Да пройдёт ле тому времени втора шесть лет,
Да минуицсэ времецьку двенаццэт лет,
Как тринаццатое да летицько те[ё]плоё —
После эфтого бываньица хошь вдовой сиди,
Хошь вдовой ты сиди, хошь взамуж поди;
Хошь за князя поди, хошь за боярина,
За детинушку поди да туроватина —
Не ходи-ко за Олешеньку Поповиця:
Мне Олешенька Поповиць же крестовой брат!»
Как поехал Добрынюшка во чисто полё
Он ведь бить-то Змею да злу пешшорскую.
Назлетела Змея ёго на синём мори,
Ишше хочот Добрыню побить же на синём мори.
Говорыл тут Добрынюшка таковы реци:
«Уж ты ой еси, Змея да зла пешшорская!
Уж ты хошь же побить меня на синём мори,
И ты побьёшь же меня дак на синём мори —
Да не будёт твоя цесть-хвала молодецькая!
Ты побьёшь же миня дак на плотной земли —
Ишше будёт твоя цесть-хвала молодецькая!»
Назлетела Змея ёго во второй након.
Назлетела Змея ёго во третьей након —
Как сидит-то Добрынюшка на плотной земли,
На плотной же земли — да на крутом бережку,
На крутом бережку, на сером камешку.
Ише хватил-то Добрынюш[к]а сер-горюць камень,
Да бросал он ею да в буйны головы —
Да злетело у Змеи да ровно восемь голов,

И сделалосе с голов дрогоченно каменьё,
Ишше стала Змея покорна и послóвная:
«Ты пойдём-ко-се, Добрынюшка, ко теплу гнезду!»
Да пошли-то с Добрынюшкой ко тёплу гнезду —
У тёпла-та гнезда шивелóм шивелицьсе.
Как вымал-то Добрынюшка сабельку-ту вострую,
Да отсек-то Добрынюшка ведь те две главы,
Да зажог у Змеи дак тёпло гнездышко,
Он россеял попёлоцек да по чисту полю.
Как во стольнём во городи во Киеви
Как у ласкова князя да-й у Владимёра
Заводилось пированьицо-стол, почесьён пир.
Ише все-то на пир да собиралися,
Ише все ли на почесьён да соежжалисе,
Вси пресильни-могучии богатыри.
Ише вси на пиру да пьяны-весёлы,
Ише вси на чесном пиру приросхвастались.
Как один ле сидит молодец — не пьёт, не ест,
Да не пьёт, не ест молодец — не хвастаёт.
Говорыл-то Владимир, князь стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Ишше що же ты сидишь, ницего не пьёшь, не ешь,
Ты не пьёшь ле, не ешь, молодец, не кушаёшь,
Ты нецем, седишь, Олёшенька, не хвастаёшь?»
«Уж ты батюшко Владимёр, князь стольне-киевьской!
Ишше нецим у миня дак будёт хвастати.
Ишше все у нас во городи поженёны,
Ишше красны-ти девушки взамуж выданы —
Как один ле Олёшенька, побёт хожу,
Я побёт хожу, Олёшенька, нежонат слову».
Говорыл-то Владимёр, князь стольне-киевьской:
«Да кого же, Олёшенька, тибe надобно?
Душа красна девиця ле тебе надобно,
Але вдова благочестивая тебе надобно?»
«Мне-ка надобно вдова благочестивая,
Прическа вдова-й Омельфа да Тимофеёвна!»
Говорыл-то Владимёр, князь стольне-киевской:
«Уж вы слушайте, князи да многи бояра,
Все пресильни-могучии богатыри!

Как не зря ле Олешенька седит-древит?
Не с огня ле Олешенька рець говорит?
Он ведь хоцёт у живого мужа жону отнеть!»
Говорыл-то Олешенька таковы реци:
«Уж ты батюшко Владимёр да стольне-киевьской!
Уж я был-то вецёр да во чистом поли;
Я погрёб-то у Добрынюшки тело белоё,
Щобы черны-ти вороны не граели,
Щобы серы-ти волки косток не таскали!»
Говорил-то Владимёр, князь стольне-киевской:
«Поежжайте за-й Омельфой да Тимофеевной!»
Вдруг не туця туцицьсе, не гром громит —
Как нашли-то, наехали удалы добры молоцци
Ко причесной вдовы-й Омельфы да Тимофеевны.
Говорил тут Олешенька таковы реци:
«Прическа вдова-й Омельфа да Тимофеевна!
Ты идёшь ли — не идёшь да за меня взамуж?»
«Уж ты ой еси, Олешенька Поповиц сын!
Поежжал-то Добрынюшка во чисто полё,
Поежжал, ведь мне-ка он наказывал,
Вдвоё, втроё ле он маменьки наговарывал:
„Как пройдёт ле тому времецьку перва шесть лет,
Как пройдёт тому времени втора шесть лет,
Как минуицсэ времецьку двенаццэтэ лет,
Как тринаццатое да летицько тёплоё,
После этого бываньиця — хошь вдовой сиди,
Хошь вдовой ты сиди, хошь и взамуж поди.
Хошь за князя поди, хошь за бояра,
За детинушку пуди да туроватого —
Не ходи-ко за Олешеньку Поповича:
Как Олешенька Попович да мне — крестовой брат!”»
Да говорил тут Олешенька таковы реци:
«Ты добром же идёшь — дак мы добром возьмём;
А ты добром не идёшь — дак возьмём силою,
Уж мы силушкой возьмём дак богатырьцьскою,
А мы поезкой повезём да княжеиньскою!»
Тогды шевелилсэ у Добрыни на вороту же крес:
«Да берут, видно, Омельфу да Тимофеевну,
Ише тот же Олешенька Поповиць же».

Да поехал Добрынюш[к]а на добром кони,
Да поехал Добрынюш[к]а по цисту полю.
Приежжаёт Добрыню[ш]ка ко красну крыльчу,
Да заходит Добрыню[ш]ка на красно крыльчѣ:
Как стоит-то Олѣшенька Попович млад
Ишше с той же Омельфой да Тимофеёвной.
Говорыл-то Добрынюш[к]а таковы речи:
«Уж ты здрастуй, Олѣшенька-крестовой брат!
Те здорово жанилсэ — да будѣт не с ким спать!»
Выходила Омельфа да Тимофеёвна:
«Уж ты здрастуй, Добрынюшка Ми[ки]тиць сын!»
Чѣловала ёго ле уста сахарныя.
Он поезкой повѣз ей да княжоиньцьскою.

(Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Пóтруховой Домны, 27 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.